

Т.П. Буслакова

«...Вновь я посетил...»

В отрывке «...Вновь я посетил...» мотив взросления усилен тем, что лирический герой сравнивает два периода жизни, которые разделяют десять лет (прототипическими при изображении пейзажа являются черты природы Михайловского, где прошла ссылка поэта в 1824–1826). В знакомых местах изменилось немного. Стоит еще «опальный домик», хотя нет в живых его «бедной няни». Прежним остались озеро и «холм лесистый». Так же «по берегам отлогим» видны деревни и старая мельница. По-старому «в гору подымается дорога», около которой растут три сосны.

Здесь все дышит стариной, «Минувшее... объемлет живо» лирического героя, напоминая о еще более давних временах:

И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах.
...
Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...

Могущество памяти, в которой продолжают жить впечатления «минувшего» во всем их живом своеобразии, подтверждено эвфоническими художественными средствами. Лирический герой, вспоминая о своей няне, слышит отзвук ее шаркающей походки. В создании этого впечатления использована ономотопея — фоническая система, в которой звуковые повторы напоминают о реальности, позволяя придать образу чувственную ошутимость. В отрывке использованы аллитерации на шипящие и глухие согласные:

Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых...

Ономотопея использована также в обрисовке впечатления от «шороха... вершин» сосен. Его создают аллитерации на «ш» и «х»:

Знакомым шумом шорох их вершин...
Все тот же их, знакомый уху шорох...

Если в первом случае строчка представляет собой воспоминание о звуке, который был слышен лирическому герою, «когда их мимо» он проезжал «при свете лунном» в прошлом, то во втором — передается современное впечатление, подтверждающее, что они «все те же». В этой связи выстраивается сложное соотношение между двумя звуковыми уровнями: в настоящем слышно эхо прошлого.

Повествовательная интонация отрывка перебивается тремя «но» (строчки 7, 38, 50). Первое противоречие относится к привычному представлению о том, что с годами много перемен происходит в жизни человека:

Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо...

Во втором случае «но» начинает самую важную часть стихотворения, когда неторопливый рассказ о переживаниях лирического героя в памятных ему местах сменяется обсуждением значительнейшей философской проблемы — вопроса о смене поколений. Третьим «но» начинается вывод, противоречащий привычным представлениям о жизни.

Одним из впечатлений природы является антитеза «корни... устарелые» — «младая роща»:

...На границе
Владений дедовских...
...три сосны...
...
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,

Антитеза продолжает противопоставление «минувшего» — настоящего, соединить которые могла только память лирического героя. Однако в философском ракурсе он находит основания для того, чтобы снять ее вовсе. Благодаря сравнению рощи с семьей («Зеленая семья; кусты теснятся/Под сенью их, как дети») на первый план выходит мысль о преемственности. Смена поколений позволяет избежать «пустоты», продолжить течение жизни:

...вдали
Стоит один угрюмый их товарищ
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему всё пусто.

Понимание того, что жизнь продолжается только в потомстве, обуславливает жизнеутверждающий пафос четвертой, заключительной строфы отрывка. Думая о будущем, лирический герой обращается в воображении к тому времени, когда «дети» перерастут «старую главу» трех сосен, которых он называет своими «знакомцами». Это будет время его внука, незнакомого «племени» потомков. Несмотря на обилие противопоставлений («младое» — «старая», «незнакомое» — «знакомцы»), антитезы не возникает, так как они являются характеристикой жизненного закона.

В образе времени, имеющем в отрывке четыре уровня (воспоминания об «иных волнах», изгнание десять лет назад, современность лирического героя, будущее — «поздний возраст» юной поросли, внука), высвечивается смысловая доминанта. Каждый отрезок в его непрерывном течении неповторим, как и мгновения человеческой жизни, представляющей проявлением мировой гармонии. Этот завершающий вывод находит выражение в заключительном аккорде, когда «во мраке» отчетливой воспринимается радость, а мысль о смерти («...не я/Увижу...») органично продолжает «Веселые и приятные» раздумья:

Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.

Гармония, которую лирический герой находит благодаря философскому осознанию мировых противоречий, подтверждена и на эвфоническом уровне. В заключительном высказывании, содержащем вывод, «угрюмый» ассонансный звук «у» соседствует со стыками гласных, придающих тексту напевность. Звуковой повтор в последней строчке акцентирует слияние в единое целое понятий личности и человечества уже не на субъективном, а на философски-обобщенном уровне.